

Всё это было не по силам нынешнему пониманию Цзян Мэнлиня. Он знал лишь одно: эти даром доставшиеся годы он больше не хотел транжирить впустую или жить, проглатывая обиды и стиснув зубы.

Его идеальной жизнью должно было стать именно то, что есть сейчас! Полный энтузиазма, готовность отомстить за любую обиду!

Бай Шаофэн, пьяный и икающий, обмяк на его плече. Цзян Мэнлинь косо посмотрел на него и вспомнил, как в прошлой жизни они поссорились и стали врагами, вспомнил безжалостное давление и предательство Бай Шаофэна — по спине пробежал ледяной холодок.

В этом мире нельзя доверять никому! Доверять можно только себе!

Бай Шаофэн, всё ещё в полубессознательном состоянии, был поддержан няней, внесен в дом и заставлен выпить миску супа от похмелья, отчего немного пришёл в себя.

Он выдерживал крепкое питьё, но сегодня перебрал, слишком уж бурно веселился.

Няня, тётя Ли, спустилась с верхнего этажа и с заметной тревогой сказала ему:

— Генерал просит вас подняться... Молодой господин, вы опять натворили чего-то? Лицо у генерала очень неприятно...

У Бай Шаофэна на затылке встали дыбом волосы, о каком там похмельном синдроме могла идти речь! Старейшина желал его видеть!

В душе Бай Шаофэна уравнение было простым: старейшина равен кнуту.

И это были не пустые угрозы! С учетом того, что сегодня вечером он действительно натворил дел, ноги у Бай Шаофэга подкосились, когда он поднимался наверх.

На улице стояла темнота, но генерал Бай сидел прямо, его военная форма под светом лампы выглядела внушительно, а три звезды на погонах были начищены до блеска. Услышав стук в дверь, генерал Бай глухо произнес:

— Войдите.

Бай Шаофэн вошел, дрожа от страха.

Генерал Бай бросил на него быстрый взгляд, отложил книгу, и вокруг него повисла ярость:

— Ты знаешь, какую ошибку совершил?!

Бай Шаофэн надул губы и покачал головой.

Генерал Бай швырнул в него стаканом с водой, но Бай Шаофэн даже не попытался уклониться, стоя смиренно и позволяя тому выместить гнев.

Генерал покачал головой:

— Я только что позволил тебе вернуться, как твои люди снова избili людей из семьи Чжан. Почему ты не можешь вести себя спокойно?

— Это не я бил... — Бай Шаофэн тоже чувствовал себя обиженным. — В прошлый раз, вы

помните того парня, который продал мне нефритовую подвеску? Он тоже приехал в Имперскую столицу. Второй господин Цзян пришел ко мне искать неприятностей, целится в того, кто слабее, выбирает мягкое место. А этот парень из семьи Чжан орал и был ужасно противен, это они первые вышли провоцировать, и только тогда Сяо Линь вступился.

— Это он? — Генерал Бай хорошо помнил тот древний нефрит превосходного качества. После того как Бай Шаофэн передал его через посредника, он сделал доброе дело, отправив нефрит старейшине Цзян. Люди их поколения, человек семь-восемь из них, любили такие штучки, особенно генерал Бай и старейшина Цзян. Увидев материал хорошего качества, даже если это был необработанный грубый камень, глаза у них загорались, не говоря уже о таком большом куске темно-зеленого, прозрачного нефрита из старой шахты? Старейшина Цзян, человек обычно неразговорчивый, получив вещь, не удержался и позвонил генералу Баю, чтобы поделиться своим восхищением. Их отношения благодаря этому заметно улучшились, и хотя генерал Бай в душе всё еще жалел камень, цель этого нефрита для него уже была полностью достигнута.

— Этот парень? Почему он так импульсивен? — Генерал Бай нахмурился. Хотя положение семьи Чжан ему было вполне ясно, но так опрометчиво начинать драку, не зная, какая опасность может быть за спиной... а если в следующий раз он встретит того, кого нельзя трогать? Круг общения Бай Шаофэга нужно было подбирать осторожнее...

Но когда Бай Шаофэн, смущенно вспоминая, как Цзян Мэнлинь объяснял ему ситуацию, постарался рассказать об этом как можно подробнее, всё беспокойство в сердце генерала Бая мгновенно превратилось в бесконечное изумление и удивление.

Даже он, генерал Бай, обладавший тяжелой властью, только недавно начал догадываться о нестабильности семьи Чжан, да и сами члены семьи Чжан были с начала до конца в неведении. Как этот парень со стороны смог во всём разобраться?

Покровитель? Не может быть! Такой ценный нефрит он обменял на деньги на жизнь. Какой наследник богатой семьи будет заниматься такими низменными вещами?

Единственная возможность — этот юноша не просто пустослов, он действительно обладает острым чутьем, не свойственным обычным людям!

Генерал Бай так думал, и его взгляд стал невероятно сложным. Он поднял глаза и посмотрел на своего глупенького сына, который до сих пор хмурился, ничего не понимая, затем вспомнил описание Цзян Мэнлиня, данное Бай Шаофэном, поднял руку и без разбора наколотил Бай Шаофэна.

Бай Шаофэн уклонялся и чувствовал себя обиженным:

— Почему вы бьете с порога, ни слова не сказав!

Ещё бы! Он не дотягивает даже до пятнадцати-шестнадцатилетнего!

Генерал Бая охватило сожаление, что сын не оправдал ожиданий, он вздохнул, сел обратно в кресло и, подумав глубже, снова покачал головой.

— Ладно, лень с тобой объяснять, — генерал Бай бросил сердитый взгляд на Бай Шаофэна и добавил. — Найди время, чтобы пригласить этого парня домой на ужин, я хочу посмотреть, правда ли у него голова набита хитростью.

В сердце генерала Бая не утихало беспокойство. Он знал прямолинейный характер Бай Шаофэна, и если тот наткнется на человека с недобрыми намерениями, его действительно могут обмануть до нитки... Он лишь надеялся, что этот юноша не преследует корыстных целей, иначе... ради будущего семьи Бай ему придется прибегнуть к особым мерам.

Бай Шаофэн был ещё более озадачен. Столько лет, даже Вэнь Жуюй и остальные не получали от старейшины такой похвалы. Неужели Цзян Мэнлинь в самом деле стал духом?

Он почесал затылок, с кислым лицом вышел из комнаты спать. Генерал Бай сидел прямо, глядя, как закрывается дверь, и погрузился в глубокие размышления. Прошло довольно много времени, прежде чем он взял трубку телефона на столе и набрал номер.

У Цзян Юэ с самого выхода из дома вид был неважный. Он позвал нескольких человек, чтобы отвезти Чжан Цзэ домой, и был вне себя от злости, созвал кучу друзей и поехал в другое место пить.

Чжан Цзэ добрался домой, шатаясь и спотыкаясь. Мать Чжана, увидев сына с синяками под глазами, распухшим, еле стоящим на ногах, перепугалась до смерти, поспешила выйти его поддержать, то и дело спрашивая о самочувствии и плача. Позвонив и вызвав врача, она также позвала и отца Чжан Цзэ.

Отец Чжан Цзэ, Чжан Юэцин, в этом году исполнилось сорок пять лет. В двадцать с лишним он получил этого единственного сына, но не успел воспользоваться удачным моментом. После начала политики планирования семьи его мечта о втором ребенке рухнула. Ради партийного билета Чжан Цзэ, вероятно, стал его последним и единственным сыном.

Чжан Юэцин не был образованным человеком, но ему повезло. Семь-восемь лет назад он занял правильную позицию. В то время вокруг старейшины Цзян рыскали стаи волков и тигров, близких людей было мало, и работа Чжан Юэцина на местах тоже не ладилась. Как раз тогда он столкнулся с противниками, которые его подавляли, и Чжан Юэцин подумал о том, чтобы выразить лояльность центру, и случайно набрел на старейшину Цзян, который тогда был акцией с большим потенциалом.

Он в каждую минуту гордился своей удачей. Теперь сын вырос, и отношения с внуком семьи Цзян у него хорошие, будущее безгранично. Предки семьи Чжан, должно быть, сожгли высокую благовонную свечу на могилах, чтобы получить такой шанс и стать крупным чиновником. Раньше на местах он был всемогущ и доволен этим, а теперь по воле старейшины Цзян его перевели обратно в Имперскую столицу, что тоже считалось повышением. В учреждении его слово было законом, хотя «жира» стало меньше, но и в Субэе раньше они не разбогатели. Для Чжан Юэцина такое повышение было несомненным качественным скачком.

Сегодня он только что провел большое собрание и в кабинете с воодушевлением разбирал материалы, которые понадобятся на следующий день, кто бы мог подумать, что звонок жены сообщит, что сына избили?!

Как такое могло случиться?! Он немедленно вернулся от любовницы, в доме ярко горел свет, жена сидела на диване и без остановки плакала.

— В чем дело? — Он поднялся на второй этаж, как раз врач выходил изнутри и встретил его, покачав головой:

— Сильных повреждений нет, на лбу рана, наложить несколько швов — ничего страшного, только два зуба выбиты, у вас будет время сводить его к врачу вставить их.

Чжан Юэцинь, увидев жалкое состояние сына, чуть не лопнул от злости, подошел и начал отчитывать его без разбора. Чжан Цзэ перепугался, сжался в одеяле, чувствуя и гнев, и ненависть, и начал всячески преувеличивать и жаловаться, подливая масла в огонь.

— Лицо незнакомое? — Чжан Юэцинь слушал описание сына и лихорадочно вспоминал. — Ты говоришь, тот, что тусуется с наследником Бая, незнакомый, которого раньше не видел?

Чжан Цзэ неуверенно кивнул.

Чжан Юэцинь чувствовал сожаление, что сын из железа не делается:

— Зачем ты лез к нему? Ты думаешь, семья Бай — это те, с кем можно связываться? Второй господин Цзян еще слова не сказал, а ты, как прихвостень, полез под руку. Им ведь просто хотелось понаблюдать за эффектом, как они могли тебя отпустить?! Сколько раз я тебе говорил, когда гуляешь, больше слушай, больше смотри и меньше говори, а ты в итоге каждый раз устраиваешь кучу глупостей! Второй господин Цзян тебя хоть раз похвалил?!

Чжан Цзэ тоже чувствовал себя обиженным:

— Не вы ли сами говорили, чтобы я старался проявить себя перед ним?!

Услышав это от сына, Чжан Юэцинь вспомнил, что действительно говорил такие слова, не смог не вздохнуть, присел на корточки на месте и закурил.

<http://bllate.org/book/16657/1526616>